

Отечественная война 1812 года в поэзии Державина

М.В.Строганов

Тверской государственный университет

(Тверь)

Ключевые слова: 1812 год, Г.Р.Державин, наполеоновское нашествие, гражданские мотивы философской поэзии

Г.Р.Державин родился в 1743 г., и в 1812 г. ему шел 70-й год. Для поэта это очень большой возраст; даже в XVIII в., когда темпы жизни и литературы были не столь быстрыми, как в наше время, он казался старым поэтом. Как известно, возраст накладывает отпечаток на человека, в первую очередь — обуславливает отставание его от идущей вперед жизни. Вместе с тем Державин был признан первым поэтом среди современников, авторитет его был незыблем, и всё, что бы он ни написал, воспринималось как совершенство. И сам он искренне соглашался с такой оценкой своей деятельности и своей личности, что, впрочем, является общей для всех людей аберрацией и поэтому вполне естественно и извинительно.

Литературное развитие Державина закончилось в 1807 г. созданием описательной усадебной поэмы «Евгению. Жизнь Званская», в которой изобразил жизнь в своей усадьбе Званка Новгородской губернии. Все остальные опыты Державина в освоении новых жанров, новых тем не поднимались до уровня его прежнего творчества и воспринимаются даже историком литературы только как исторический факт, а не как живое слово. Вместе с тем Державин думал иначе, и в этом его убеждали как его собственная литературная аберрация, так и поклонение современников, которые использовали поэта для своей литературно-политической борьбы.

В своем искреннем заблуждении Державин писал очень много. Одним из наиболее крупных поздних произведений его был «Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из Отечества 1812 года. Во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского посвящает Державин». Этот стихотворный текст объемом 20 страниц компьютерного набора для современного человека кажется невозможным для понимания и осмысления. Адекватное понимание и осмысление того объема информации, который содержится в этом

стихотворении, требует большого монографического исследования, и мы в настоящей статье сможем осветить только некоторые его детали.

Державин начинает стихотворение славой Богу: «Благословен Господь наш Бог, / На брань десницы ополчивый / И под стопы нам подклонивый / Врагов надменных дерзкий рог. / А потом он обращается к музе с просьбой воспеть / ...победы звучным тоном / Царя славян над Авадоном». В этих строках задаются две главные темы стихотворения. Первая — признание того, что Бог был защитником, покровителем русских в их борьбе с Наполеоном и даже более — победителем в этой борьбе. Дело в том, что в начале XIX в. Наполеон казался непобедимым полководцем и связываться с ним в открытой борьбе не решался уже никто. Именно поэтому Россия прибегла к тактике завлекающего отступления, вследствие чего силы армии захватчика, воюющего на чужой территории, изматывались и уменьшались. Кроме того, завлекающее отступление переносило войну из одного сезона в другой: Наполеон хотел завершить военную кампанию летом, а застрял в России на осень и зиму, к которым был не готов. Следует учитывать, что тактика завлекающего отступления разрабатывалась до войны с участием императора Александра I; первым ее применил М.Б.Барклай-де-Толли как главнокомандующий и военный министр, а М.И.Кутузов был только «завершителем» (Пушкин) данного проекта. Итак, план военной кампании явился результатом стратегической мысли ряда людей. Но поскольку военный гений Наполеона казался непобедимым, победа всё равно осознавалась как чудо, как благоволение Бога своему избранному народу. Поэтому на медалях в честь изгнания французов из России, которые начали раздавать в начале 1813 г., было написано: «Не нам, не нам, а имени Твоему». То есть: слава победы принадлежит не нам, а Господу.

Вторая тема обозначена словами «победа... царя славян над Авадоном». «Царь славян» — это, разумеется, Александр I. К слову *Авадон* Державин сделал примечание: «*Авадон* по-еврейски, а по-гречески *Аполлон*, значит истребитель». Авадон, Аполлон — так назван враг Бога и человечества в Откровении Иоанна Богослова. В дальнейшем Державин постоянно описывает этого апокалиптического врага Божьего: «Открылась тайн священных дверь! / Исшел из бездн огромный зверь, / Дракон иль демон змиевидный; / Вокруг его ехидны / Со крыльев смерть и смрад трясут, / Рогами солнце прут; / Отенетяя вкруг всю ошибами сферу, / Горящу в воздух прыщут серу, / Холмят дыханьем понт, / Льют ночь на горизонт / И движут ось всея вселенны. / Бегут все смертные смятенны / От князя тьмы и крокодильных стад. / Они ревут, свистят и всех страшат; / А только агнец белорунный, / Смиренный, кроткий, но челоперунный, / Восстал на Севере один, — / Исчез змей-исполин!»

Державин называет это исчадие ада зверем, исходящим из бездны, драконом, демоном змиевидным, поскольку в Апокалипсисе упоминается змий древний, нарицаемый дьявол. И добавляет: «Под видом змея здесь разумеется коварство». Этот враг

рода человеческого окружен ехиднами, которые ужасают человека своими эманациями. Ехидны трясут со своих крыльев смерть и смрад, подпирают рогами солнце, охватывают (отеняют) своими хвостами/хоботами/щупальцами (слово *ошиб* имеет все эти значения) всю сферу, брызжут (*прыщут*) в воздух горящую серу, поднимают своим дыханием волны на море (холмят дыханьем понт), льют ночь на горизонт и движут ось всея вселенны. Эти ехидны не имеют внятного глазу внешнего вида, и поэтому трудно сказать, что именно они совершают. Но несомненно, что ехидны делают нечто плохое. Кроме ехидн, этот вышедший «из бездн огромный зверь, дракон иль демон змиевидный» властвует над тьмой (князь тьмы) и стадами крокодилов, о которых ничего конкретного не сказано, хотя и без того ясно, что и тьма, и крокодилы ужасны для человека.

Наконец, Державин упоминает агнца, при появлении которого змей исчезает, и в примечаниях вновь цитирует Апокалипсис: «Змей с агнцем брань сотворит, и агнец победит его». И пишет: «Здесь под видом агнца представляется христианская кротость и имеет отношение к тому, что царствующий *император* вступил на престол под знаком Овна». Образ агнца указывает на агнца Божия, символ Христа. Он белорунный, то есть покрыт белой шерстью, потому что белый цвет — это символ невинности. Он смиренный, кроткий, потому что смирение и кротость — это христианские добродетели. Он челоперунный, потому что от его чела (лба, лица) исходят перуны, молнии, направленные на врага. Наконец, он восстал на Севере, то есть в России. Здесь каждое слово требует объяснения. Какие-то объяснения Державин дает сам, другие читатель делает самостоятельно. Это довольно затруднительное, но вместе с тем и увлекательное чтение.

Далее Державин называет Наполеона «некий дивий», то есть дивный, фантастический Гог, а в комментариях объясняет, что «*Гог* слово еврейское, значит противоборника Христу» и ссылается на Апокалипсис и книгу пророка Иезекииля: этот Гог «в гордыне мнил, что всё творить возмог», и захотел покорить Россию. Потом Державин напоминает историю, описанную в библейской книге Исход, как избранный Богом народ ушел из египетского рабства, а за ним гнался фараон. И вот, чтобы спасти иудеев, Бог раздвинул волны Красного (Чермного) моря, пропустил их, а когда тем же путем двинулся фараон, волны сомкнулись и потопили преследователей: «Се Бог как их казнил!»

Описав эти библейские чудеса, Державин восклицает: «Не видим ли и в наши дни / Мы сих чудес в Наполеоне?» И продолжает перечень чудес. Державин был не один, кто воспринимал современные события как чудо. Военные действия начались 12 июня 1812 г., а через десять дней профессор Дерптского университета Вильгельм Гецель прислал военному министру Барклаю-де-Толли истолкование предсказаний Апокалипсиса применительно к Наполеону, желая: «Сие всячески достопамятное

изъяснение должно быть в войске разглашено». Гецель заметил, что срок славы зверя Апокалипсиса определен в 42 месяца, а Наполеону в 1812 г. шел 43 год, и сделал из этого вывод, что время падения Наполеона близится. В Апокалипсисе сказано, время осквернения зверя составляет пять месяцев, и некоторые мистически настроенные люди считали их «со дня вступления его в Россию, с июня по ноябрь месяц». И Державин писал: «Уж данный срок – на возвышение, / Еще пяти – на осквернение / Ему прошел. – Уже перун / Предвечного висит закона / Поверх главы Наполеона: / Еще немного – он падет». Гецель сосчитал и числовое значение букв, составляющих имя Наполеона, в соответствии с французской традицией и в результате получил число 666 – число Антихриста. Державин пишет: «О, так! *таинственных* числ зверь», а в примечании прикладывает французский алфавит. В Апокалипсисе сказано: «Имеет семь глав и рогов десять». Державин: «В плоти седьмглавый Люцифер, / О десяти рогах венчанный». И в примечании: «Под главами разумеются здесь семь королей, поставленных Наполеоном, как-то: *неаполитанский, вестфальский, виртембергский, саксонский, голландский, испанский, баварский*; а под рогами — десять народов, ему подвластных, а именно: *австрийский, прусский, саксонский, баварский, виртембергский, вестфальский, итальянский, испанский, португальский, польский*, как в манифесте от 3 ноября 1812 г. явствует».

В Библии Ваал-Фегор — это божество моавитян. Державин пишет в примечании: «разумеется здесь Наполеон, которому государь не причастился, или союзником не был». И в стихотворении: «Царь, не причастный Вельфегору». В Библии предсказано, что против сил ада «восстанет Михаил князь великий», из чего сформировалось представление об архангеле Михаиле, предводителе Небесного воинства. Современники заметили совпадение имени Кутузова с именем архангела. И Державин пишет: «Упала демонская сила / Рукой избрана князя Михаила». И примечании: «Замечательно, что фельдмаршал Кутузов при поручении ему в предводительство армии, как бы нарочно пожалован князем, чтобы сблизится со Священным Писанием; впрочем, он избран был общим голосом в начальники всеобщего ополчения». В Апокалипсисе упоминается «Вавилон великий, мати любодейцам и мерзостям земским». И Державин называет Париж «новым Вавилоном». А в примечании добавляет: «Разврат, соблазн, нечестие и самое безбожие французского народа, не упоминая о бывших в последнюю революцию, видны в истории самых давних веков христианства. Их упрекают, что они еще во время обладания Гишпанией и Францией готвами при короле Вамбо, совокупясь с некоторым похитителем престола Павлом Греком, как ныне с Бонапартом, поругали христианскую веру разными бесчиниями. — Во время четвертого крестового похода в Константинопольском Софийском соборе плясали с распутными девками, из коих одна припевала сквернословную песню. — Тоже и в лучшие дни своего просвещения при Людовике XIV в Голландии: какие французы делали

жестокости и варварства, того без омерзения к ним напоянать не можно. — Потомство и о нынешних поступках их в Москве не лучше отзовется».

Во время любой войны люди придают большое значение мистическим знакам. Державин пишет в примечании: «...известно, что при Бородинском сражении при осмотре российской армии князем Кутузовым виден был парящий над его главою орел». На эту тему появилось много стихотворений, эпизод этот вошел в воспоминания о Бородине. А в стихах Державин пишет, что «дух *Петров*» «Геройской кротости в незлобьи / Вспарил орла в подобьи — / И грянул бородинский гром. / С тех пор Наполеон / Упал в душе своей, как дух Сатанаила, / Что древле молнией Михаила / Пал в озеро огня».

Так заканчивается эта мистическая тема. Державин с ее помощью описывает всю историю войны 1812 года. Эта мистико-мифологическая линия в общих чертах хорошо известна, но только подробное знание ее делает стихотворение по-настоящему понятным. Войну России с Наполеоном Державин осмысляет как глобальное столкновение сил света и тьмы, поэтому придавал ей мистическое значение: «Что се? Стихий ли борьба? Брань с светом тьмы? добра со злобой?»

А Державин возвращается к первой теме: «Мы победили, с нами Бог! / Вселенная знай и все языки, / Коль благ Бог в бранях нам великий!» И продолжает: «Так, щит нам Бог: мы страшны Им, / Его мы волей торжествуем, / Ему победы восписуем, / Им русский царь непобедим, / Будь одного Его держава! / Славян всегда наследье — слава. / Не блещут доблести без бед, / И превосходств нет без побед. / Бог посетил нас, — Бог прославил, / Всех выше царств земных поставил». И наконец: «Хвала Ему! хвала, Творец, / Тебе! из глубины сердец / Благодарение приносим; / Молебны чувства вносим / Тебе в пространны небеса / За явны чудеса, / Которыми Ты нас возвысил непостижно».

Заканчивается стихотворение прославлением «россов» как единственного народа, который мог противостоять Наполеону: «О росс! о добльственный народ, / Единственный, великодушный, / Великий, сильный, славой звучный, / Изящностью своих доброт! / По мышцам ты неустомимый, / По духу ты — непобедимый, / По сердцу — прост, по чувству — добр, / Ты в счастье — тих, в несчастье — бодр, / Царю — радушен, благороден, / В терпеньи — лишь себе подобен». После этого восхваления описываются сцены возвращения страны к мирной жизни.

Но для понимания стихотворения нужно осмыслить не только библейские тексты, но и тематическую композицию, для чего следует совершить нечеловеческое смысловое усилие. 646 стихов стихотворения разделены на 17 равных частей, каждая из них начинается двумя 10-тистишиями Я4, а завершается 18-стишием ВЯ. Человеческий слух такое строение уловить не может, и оно оказывается фактически бессмысленным.

Стихотворение Державина по праву открывает все современные антологии стихов, посвященные войне 1812 года: это была стихотворная энциклопедия войны. Война была выиграна только благодаря вмешательству Русского Бога. Война была справедливой и неизбежно победоносной, поскольку это была война с силами мирового зла и война не за обладание территорией, а война добра со злом.

Считая, что, война была выиграна только благодаря вмешательству Бога, Державин утверждал силу русского оружия: вмешательство Бога в этом контексте означает 'это была очень мощная победа'. Считая, что война была борьбой сил добра (Россия) с силами зла, ада, Державин усиливал значение войны: это не просто война с одной лишь Францией, это война со всем миром зла. Это было первое предчувствие мировых войн.

Г.Р. Державин в Первом еврейском комитете (1802–1803 гг.)

Д.З.Фельдман

Российский государственный архив древних актов
(Москва)

Ключевые слова: Россия, еврейский вопрос, законодательство, реформы, экономика

На протяжении XIX в. в Российской империи действовали еврейские комитеты – высшие законосовещательные органы по делам еврейского населения, в задачу которых входили обсуждение и выработка особого законодательства о евреях (к концу века общее количество юридических актов составляло более 650).

Первый еврейский комитет («Комитет о благоустройстве евреев») был учрежден именным указом императора Александра I от 9 ноября 1802 г. с целью составления впервые в мировой истории систематизированного свода законодательства по еврейскому вопросу – «Положения для евреев» (в литературе известно и как «Положение о евреях»). В указе говорилось, что комитет создан в ответ на многократные жалобы к царю и в Правительствующий Сенат «на разные злоупотребления и беспорядки во вред земледелия и промышленности обывателей в тех губерниях, где евреи обитают, происходящие». В начале своего правления Александр I проводил курс на осуществление ряда либеральных реформ в духе просвещенного абсолютизма; в числе прочего предполагалось провести широкие преобразования и в укладе жизни евреев, начавшиеся с оформления законодательной базы. В состав комитета входили: член Непременного совета граф В.А. Зубов, министр внутренних дел граф В.П. Кочубей,